

о том, какое влияние оказали эти писатели на писателей «эдебияты джедиде», остается для меня также неясным.

Хочу сказать несколько слов относительно рассуждений автора о языке.

Я полностью согласен со многим из того, что говорит автор о языке Халида Зии. Однако я не считаю, если не брать во внимание стихотворений Фикрета, написанных им для детей, еще двух-трех его стихотворений и сборника «Тетрадь Халюка», что в вопросе языка литература «эдебияты джедиде» сыграла большую прогрессивную роль. Безусловно, она ввела некоторые новшества в синтаксис и построение предложения. Не удивительно ли, что влияние французского языка на эту литературу в тот период было довольно значительным. Два совершенно не связанных друг с другом языка, грамматический строй которых в корне противоположен друг другу, — и тем не менее влияние французского языка бесспорно. И это влияние нельзя считать только отрицательным. Но я хочу сказать о другом. Я хочу сказать, что наряду с языком «эдебияты джедиде» существует язык Ахмеда Митхада Эфенди, Хюсейна Рахми, особенно в части разговорной речи. Современное поколение почти свободно может читать романы Ахмеда Митхада Эфенди и Хюсейна Рахми. А Халид Зия в конце своей жизни стал перед необходимостью вновь перевести свои произведения на турецкий язык. И как досадно, что многие стихотворения величайшего нашего поэта Тевфика Фикрета не могут быть поняты современным поколением без словаря. Повторяю еще раз: я ни в коем случае не отрицаю того факта, что литература «эдебияты джедиде» ввела в наш литературный язык новые понятия и с этой точки зрения обогатила его, но формы, в которых они передавались, почти совсем не сохранились в нашем языке.

Придет время, когда книга Алькаевой о творчестве Халида Зии Ушаклыгиля займет достойное место среди учебников турецких университетов. Своим трудом Л. Алькаева внесла вклад не только в советскую, но и в турецкую культуру.

НАЗЫМ ХИКМЕТ

Перевод Ф. Селимзяновой

О СОЧЕТАНИИ НАУЧНОСТИ И ПОПУЛЯРНОСТИ*

Среди вышедших за последние годы учебных пособий по зарубежной литературе следует отметить небольшой учебник «Зарубежная литература» для учащихся библиотечных техникумов. Коллектив авторов — И. Дюшен, Л. Каган, Г. Могилевская и С. Тураев попытались на 440 страницах раскрыть важные и сложные явления зарубежной литературы, начиная от античной до современной. Учебник должен научить молодых работников библиотек, которые, кончив техникум, будут соприкасаться с самым широким кругом читателей, ориентироваться в зарубежной литературе Запада и Востока.

До сих пор в учебниках по зарубежной литературе различных эпох, изданных для педагогических институтов, для университетов, освещается только западноевропей-

* И. Б. Дюшен, Л. В. Каган, Г. А. Могилевская, С. В. Тураев, Зарубежная литература, Учебник для библиотечных техникумов, под ред. Т. Л. Мотылевой, Б. И. Пуришева, С. В. Тураева, Госкультпросветиздат, М. 1956, 439 стр.

пейская литература; в лучшем случае авторы включают в круг своего внимания литературу некоторых европейских стран народной демократии.

В рецензируемый учебник включены такие разделы, как «Литература древней Индии», «Китайский классический роман». Таким образом, рассмотрение древней литературы не ограничено, как обычно, литературой древней Греции и Рима; учащийся получит гораздо более правильное представление о развитии литературы древнего мира и средних веков.

Следует отметить, что авторы учебника включили в раздел литературы XX века таких видных классиков Индии и Китая, как Рабиндранат Тагор, Премчанд, Лу Синь, без которых нельзя правильно представить развитие зарубежной литературы первых десятилетий XX века, так же как современную зарубежную литературу после второй мировой войны нельзя представить вне творчества Го Мо-жо, Мао Дуня, Чжао Шу-ли, Хикмета, Пабло Неруды, Гильена и Амаду.

Конечно, даже при таком широком включении многообразных древних и новых литератур еще очень многие литературы и писатели не нашли своего достойного места в книге. Трудно согласиться также с тем, что в учебнике нет ни глав, ни даже краткого упоминания таких писателей, как Теккерей, А. Франс, Томас Гарди и других. Ощутимо отсутствие характеристики талантливого писателя XX века Лакснесса. Но при всем этом надо отдать должное коллективу авторов, очевидно, и кафедре Государственного Московского библиотечного института, в их стремлении дать представление о многообразии литературного процесса на Востоке и Западе. Хотя в учебнике «Зарубежная литература», вполне понятно, не могла найти место русская литература, но ее влияние, а также воздействие Октябрьской революции, влияние развития советского общества и советской литературы на зарубежную литературу раскрыто ясно, убедительно.

Создание такого учебника для среднего учебного заведения с кратким обзором огромного историко-литературного материала сопряжено с большими трудностями. Возникает вопрос, какие теоретические проблемы можно ставить, считаясь с уровнем развития и общей подготовленности учащихся, учитывая их последующую работу в массовых библиотеках?

Нужно, таким образом, ответить на существеннейший вопрос о сочетании научности и популярности изложения. Действительно, необходимо определить различные литературные направления, метод, типичный для целой исторической эпохи и отдельного писателя, нужно рассмотреть, в каких сложных проявлениях раскрываются классовые битвы в преломлении различных художников разных эпох. Ряд сложных явлений освещен и научно и просто. Это относится к главам о немецкой литературе XVIII—XIX и XX веков. В них даны краткие и основательные сведения о просветителях как идеологах буржуазии в XVIII веке, правильно указано, что их борьбе с феодализмом сочувствовало большинство народа (стр. 113). Совершенно верно сказано, что «социальной пестроте «третьего сословия» соответствовали существенные различия в идейных позициях разных групп просветителей» (стр. 116). Важна попытка дать понятие о жанре философского романа, о философской направленности просветительского реализма. «Реализм Вольтера определяется глубиной изображения существенных сторон обличаемой действительности даже при отсутствии правдоподобия в описании конкретной обстановки и при недостаточной разработанности характеров» (стр. 135).

Можно отметить ряд удачных глав о французской литературе XIX—XX веков.

В главах этих лаконично и доказательно воссоздается портрет Беранже; автор дал не только биографию и этапы творчества, но и сказал кратко о художественных достоинствах его песен. Глава о Стендале дает хорошее представление об эстетике, о романах писателя. Обладают значительным достоинством главы, посвященные французской литературе второй половины XIX и начала XX века. Авторам этих глав удалось показать сущность французского натурализма и пути преодоления натуралистического метода в творчестве Эмиля Золя. Сложность творческого пути Романа Роллана также четко обрисована в книге. Несмотря на очень ограниченный объем, говорится кратко и о художественных особенностях, о композиции романа «Жан-Кристоф».

Главы о творчестве Ибсена, Христо Ботева, Андерсена-Нексе также дают учащимся конкретный материал о творчестве этих писателей с их индивидуальными особенностями и национальной спецификой.

Именно удачи в определении сложных явлений литературы эпохи Просвещения или натурализма конца XIX века доказывают, что отдельные элементы упрощенчества и ненаучности формулировок, имеющие место в учебнике, являются результатом спешки. В таких учебниках, как «Зарубежная литература» для библиотечных техникумов, авторов подстерегали многие опасности, пожалуй, главной из них является именно упрощенчество.

Приведем некоторые примеры. Так, в разделе «Античная литература» в слишком категорической форме утверждается, что «общество, представленное у Гомера, — патриархальный род, который еще не знает классового расслоения» (стр. 11). Но послушаем историков: «Однако в это время уже начался постепенный отрыв органов родового строя от массы народа», совет басилевсов руководит ахейским ополчением под Троей, и все дела решаются фактически знатью. А условия войны все больше и больше обогащают басилевсов. Поэтому «почти незаметное еще в конце II тысячелетия имущественное расслоение все более нарастает в последующие века и, как это вполне отчетливо отразилось в эпосе, уже привело к социальному расслоению»¹.

В этом свете надо рассматривать эпизод с Терситом во второй песне «Илиады», который явственно отражает начинающееся общественное расслоение. Автор утверждает, что обличения Терсита «не находят сочувствия у воинов, так как они одержимы одной идеей — победить врага. Ради этого они готовы забыть обиды со стороны вождей» (стр. 12). Опять некое упрощение. Известно, как стремились рядовые воины домой и как надоела им война, и «от спешивших на родину крик поднимался до неба». Только благодаря вмешательству Афины, потребовавшей от Одиссея, чтобы он остановил это бегство, воины вернулись. И Одиссей потратил немало усилий, стараясь вернуть воинов:

Если царя он встречал или воина, знатного родом,
Став перед ним, он его останавливал ласковой речью...
Если ж кричавшего громко он мужа встречал из народа,
Скиптром его ударял и бранил его грозною речью...

Немало упрощений найдем мы в разделах «Литература эпохи Возрождения» и «Литература XVIII века».

Так, например, вызывает серьезное возражение то, что Мольер называется

¹ «Всемирная история», т. 1, Изд. АН СССР, М. 1956, стр. 646, 647.

прямо писателем-реалистом, отталкивавшимся от классицизма. Вообще авторы учебника слишком широко пользуются понятием «реалист», порой насильственно подгоняя под это определение писателей различных направлений.

Остановимся на главах, посвященных литературам Возрождения. Определяя жанр «Божественной комедии», автор правильно отмечает одну черту — влияние традиционных памятников церковной литературы, но упускает из виду, что «мертвецы Данте — это первые живые люди» в европейской зарубежной литературе XIV века, по выражению одного итальянского литературоведа. Не подчеркнуты противоречия в религиозных воззрениях Данте. Исчез из анализа «Божественной комедий» и образ родины, Флоренции.

Не вполне удовлетворяет и анализ таких сложных произведений, как «Гамлет» Шекспира и «Дон-Кихот» Сервантеса. В главе о Сервантесе утверждается, что «безумие Дон-Кихота служит автору средством сатирического обличения обветшалых феодальных понятий с помощью резкого преувеличения» (стр. 92). Это представляется явно недостаточным, если не неверным.

Живя в мире иллюзии, Дон-Кихот сражался со злом, измышленным его воображением, и часто искал действительных средств борьбы, повинувшись первому импульсу своей экзальтированной натуры. Но конечная цель Сервантеса не в развенчании героя, не в осмеянии его энтузиазма; он стремится защитить Дон-Кихота, утвердить человека в мысли, что он рожден для героической, беспокойной и самоотверженной жизни, для борьбы за справедливость. Поэтому безумие Дон-Кихота так тесно сопрягается с его мудростью. Заявление автора главы о том, что «при любом столкновении «рыцарь печального образа» следует феодальному принципу — все разрешать силой оружия, отсюда его непрестанные неудачливые потасовки» (стр. 92), является досадным искажением перспективы всего романа.

Отдельные элементы упрощенчества встречаются и в других главах учебника. Так, глава о творчестве Бальзака вызывает возражения потому, что автор не рассматривает творчество величайшего критического реалиста в его развитии. От «Шагреновой кожи» до «Утраченных иллюзий» и, собственно говоря, до конца автор изображает Бальзака как легитимиста и завершает свой разбор словами писателя: «Я пишу при свете двух вечных истин: монархии и религии» (стр. 238). Автор игнорирует идейное развитие Бальзака в конце 30-х и в 40-е годы, его разочарование и в легитимизме, и в аристократии, и в патриархальной буржуазии, его пристальное внимание к различным слоям народа и, в частности, к рабочему классу; пренебрегает его публицистикой и такими его романами, как «Крестьяне» и «Кузина Бетта». Можно по-разному оценивать глубину идейных сдвигов Бальзака, но проходить вообще мимо них — значит обеднять творчество великого художника.

Отметим ряд досадно неряшливых формулировок. Так, при рассмотрении творчества Ромена Роллана во время первой империалистической войны Г. Могилевская утверждает, что Ромен Роллан «не понимал истинных причин войны, ее империалистического характера» (стр. 297). Но стоит только открыть первый сборник статей Ромена Роллана и прочесть его статью «Над схваткой» — и мы увидим, что автор главы неправ. Роллан писал в этой статье: «Самый опасный для нас, людей Запада, империализм, ставший уже грозой для всей Европы и вынудивший ее объединяться и вооружаться, — это империализм прусский, воплощающий собой мирозерцание военной феодальной касты, бич не только для всего мира, но и для самой Германии, которую он так систематично и упорно развращал своим тлетворным дыханием... Империализм»

лизм в большей или меньшей степени силен в каждой стране»¹. Понимание политической и экономической сущности империализма в этой статье еще весьма ограничено, но в более поздней статье «Истребляемым народам» (1916) оно уже гораздо глубже. Но пути, предложенные Ролланом для борьбы с империалистической войной,— это пути пацифиста, ибо образование «высшего нравственного судилища», создание «града духа» — это, конечно, высокие, но в полном смысле пацифистские принципы, которые не могли помочь человечеству в борьбе с империализмом.

В заключение несколько слов о языке, которым написан учебник. Ряд разделов — о литературе эпохи Просвещения, немецкой литературе, скандинавской, французской, литературе Индии — изложен живо и лаконично. Но на некоторых небрежных выражениях нельзя не остановиться. Так, мы читаем, что «Рабле с увлечением описывает гигантские размеры своих героев, их телесную жизнь» (стр. 68), «Творчество Шекспира составляет целую эпоху в развитии мировой драматургии, в мастерстве построения захватывающего драматического действия» (стр. 75). Таких примеров много на других страницах книги (см. стр. 69, 74, 104). Мелькают штампы: «С наибольшей глубиной отразил» (стр. 81), «беспощадно разоблачает» (стр. 131) и т. д. А вот уж прямое погрешение против логики: «Выразив, таким образом, мысль о невозможности исправить нравы аристократии проповедями, Мольер этим смешением трагического с комическим еще раз нарушил правила классицизма» (стр. 109).

* * *

Как в любом большом и новом деле, в учебнике «Зарубежная литература» есть недостатки. Они устранимы — некоторые легче, другие труднее. Но хорошее дело начато.

З. ГИЛЬДИНА

¹ В предисловии к сборнику статей «Над схваткой» Ромен Роллан указывал, что «эта статья написана мною еще в сентябре 1914 года». См. «Над схваткой»; Пг. 1919, стр. 36—37.